

IV.

14.

Доклад варшавского охранного отделения министру внутренних дел от 16 мая 1916 г. № 129*).

В освещение деятельности и настроений руководящих политических кругов польского прогрессивного общества при сем имею честь представить вашему высокопревосходительству нижеследующий осведомительный материал, добытый через секретную агентуру вверенного мне отделения и являющийся показателем и выразителем затаенных желаний той части вышеназванного общества, которое стоит в деле разрешения польского вопроса на почве признания общности и единства государственных интересов России и Польши.

Приложение: записка на 5-ти полулистах.

Б. Содержание приложения—записки на 5-ти полулистах:

„К серьезнейшему вопросу об автономии Польши, благодаря целому ряду приводящих причин и условий, крайне необходимо отнестись с исключительной осторожностью и осмотрительностью.

Важнейшим основанием для подобного рода осторожности является то обстоятельство, что разрешение этого вопроса с излишней поспешностью и без соответствующего предварительного обеспечения общегосударственных интересов империи может в весьма недалеком будущем привести к новым и обостренным недоразумениям между Россией и Польшей и дать результаты, диаметрально противоположные тем, какие многими и многими ожидаются от дарования полякам автономии.

Мало того, при недостаточно осмотрительном разрешении этого вопроса не лишена вероятности и такая кон'юнктура, при которой в будущем Польша могла бы сыграть

*) Дела Чрезвычай. Следств. Ком. о Польше, л. 11. Доклад подписан ген.-майором Глобачевым.

по отношению к России подобную же неблагоприятную роль, какую сыграла в данный момент пресловутая Болгария, и, таким образом, большая часть положительных результатов, ожидаемых от окончания настоящей войны, сведена была на-нет...

При всем этом необходимо еще подчеркнуть и то, что в интересах самой Российской империи разрешить польский вопрос не в некоторой его части, а в полном объеме, дабы этим самым навсегда поставить крест над всякого рода недоразумениями и неожиданностями, кои когда-либо могли бы возникнуть или возникать в связи с этим печальным „вопросом“.

Первым условием подобного разрешения этого вопроса является объединение всех польских земель и уже, во всяком случае, присоединение под скипетром государя императора к „Царству Польскому“ всей Западной Галиции с г. Краковом.

Только таким путем удастся свести на-нет непосредственное и интенсивное воздействие австрийского правительства, во враждебном для России смысле, на поляков и избежать в будущем таких печальных явлений, как, например, образование в период текущей войны польских легионов, выступивших против Российской империи, и других возможных против последней начинаний революционного характера.

Отторжение польских земель от Германии будет также весьма выгодно в том отношении, что приобщит к Польше более 3.000.000 людей, издавна помышлявших о России приязненно и далеких от каких бы то ни было проявлений радикалистического или революционного характера.

Затем отобрание польских земель от Австрии и Германии самой силой вещей поставит всех объединенных поляков во враждебные отношения к названным государствам, коим весьма трудно будет помириться с новым порядком вещей и кои, в силу изложенного, сделаются естественными непримиримыми противниками объединенной Польши. И чем более польских земель будет отнято у Австрии и Германии, тем большая пропасть будет вырыта между ними и польским народом.

Другим условием рационального разрешения „польского вопроса“ является необходимость отложить конечное решение всего этого дела до времени окончания настоящей войны, когда явится возможность получить фактические гарантии лояльного отношения польской народности к русской государственности.

Как известно, на ряду с соответствующей ориентацией в сторону России, среди поляков существует обычно, и достаточно сильное, стремление к ориентации австрийской, стремление, отмечающееся не только в среде польской эмиграции, но, в известной степени, и среди населения „Царства Польского“.

Необходимо при этом считаться еще с тем, что все польские элементы, стоящие ныне на точке зрения антиросийского разрешения польского вопроса, хотя и не имеют в данный момент видимой и легальной организованности, однако, несомненно, вслед за дарованием Польше автономии, объединятся в легальную оппозиционную по отношению к русской государственности политическую партию, имеющую явно противоправительственную программу и легко могущую создать свое большинство в будущем польском сейме в Варшаве.

Все эти обстоятельства и заставляют приступить к обсуждению будущей польской автономии с исключительной предосторожностью и предусмотрительностью.

При этом необходимо отметить, что было бы весьма рискованным об'явить об автономии Польши в момент вступления в Царство Польское русских войск и сразу же в этот момент передать органы местного управления в польские руки, когда еще никто не будет в силах предугадать, какие политические идеалы возьмут там, в конечном результате, верх. Необходимо, чтобы к указанному выше моменту в край возвратились все те власти и органы правления, кои функционировали там до начала войны. В дальнейшем автономия должна вводиться в Польше постепенно и с крайней осмотрительностью, при чем самый процесс осуществления автономии должен носить такой характер, чтобы центральная правительственная власть в любой момент могла иметь возможность достаточно обеспеченного воздействия и влияния на польские дела и совершенно не зависела от случайных и преходящих местных политических настроений, отмечавшихся у поляков всегда и отличавшихся всегда при этом и раньше исключительной экспансивностью и изменчивостью.

Переходя к более детальному рассмотрению тех условий, на которых должна создаваться и опираться автономия в Польше (поскольку таковая будет осуществлена вообще), крайне необходимо отметить, во-первых, что ежели эта автономия не может быть осуществлена в том именно виде,

как это излагается ниже, то, во всяком случае, она, с точки зрения государственных интересов, не должна быть шире этих предлагаемых рамок автономного устройства Польши, и, во-вторых, по данным осведомления, доверительнейшим образом добытого у официальных руководителей польской политики в Петрограде, имеются полные основания утверждать, что вышеизложенные положения будут признаны приемлемыми и ими.

Итак...

I. Законодательная власть в Польше должна принадлежать отчасти государственной думе в Петрограде, отчасти сейму в Варшаве в единении с монархом.

Компетенции сейма должно принадлежать решение следующих вопросов:

1) краевой культуры, 2) общинной (гминной), 3) внутреннего устройства земельных книг, 4) образование в рамках государственного законоположения, 5) вероисповедного, за исключением православного вероисповедания, 6) промышленных и горнозаводских, 7) регулирование торговых вопросов и коммерческого образования в пределах государственного законоположения, 8) в вопросах путей сообщения, сухопутных и судоходных, за исключением железных дорог со стратегическим характером, 9) санитарное законодательство.

Помимо сего, сейму должно принадлежать право разрешения прибавок к государственным налогам.

II. Автономия (самоуправление) должна быть трехрядная: гминная, уездная и краевая, и должна находиться под контролем соответственных административных властей.

Во главе самоуправления в Польше должно стать правление сейма с маршалом во главе, назначенным государем императором. Краевой маршал должен обладать правом и обязанностью приостановления исполнения резолюций сейма и его правления, противоречащих закону, и представлять их на разрешение монарху или же его наместнику.

III. Административные власти. Административной правительственной властью в Польше должно и впредь ведать в наивысшей инстанции министерство в Петрограде, во второй инстанции—императорский наместник в Польше. Вообще вся администрация в Польше должна находиться в руках центральной власти государства. Этой же центральной власти должно принадлежать и руководство выборами в сейм и государственную думу.

IV. Суд и в будущем должен оставаться государственным.

V. Язык. Языком правительственных и судебных властей, как вообще всех государственных учреждений, должен во внутреннем управлении продолжать оставаться русский, в сношениях, однако, с польским населением должен быть также допускаем польский язык.

Языком сейма и властей самоуправления должен быть польский, в сношениях же с государственными учреждениями—русский язык.

Из разделения законодательной власти между сеймом и думой вытекает необходимость избрания депутатов отдельно в сейм и отдельно в Думу.

Обращаясь к вопросу о той территории, какую должна обнимать об'единенная Польша, необходимо признать принципиально, что в случае благоприятных результатов войны в состав ее должны войти этнографически-польские земли, при чем некоторого рода исключение допустимо в отношении земель вообще с „польским населением“, т. к. аксиомой следует считать, что чем дальше на запад можно будет подвинуть границу Польши, тем больше эта граница захватит польское население и тем легче будет войти в соглашение относительно восточной границы.

Нельзя при этом обстоятельстве не подчеркнуть важного значения того обстоятельства, каким является необходимость урегулирования вопроса о польско-русском споре на литовско-русских землях. Неумелое решение этого вопроса может оказаться яблоком раздора между русскими и поляками, давая в будущем широкое поле немецким и австрийским интригам.

Между тем, вопрос этот можно уладить совершенно простым способом, т.-е. выделением польского населения из среды общего населения путем внесения его в так называемый особый национальный „катастр“ и предоставления ему национального равноправия в пределах такового. Таким образом, средство это оказалось бы целесообразным даже для русских интересов, т. к. оградило бы раз навсегда остальное население русско-литовских земель от дальнейших ассимиляторских влияний поляков.

Этим же способом может быть улажен одновременно и вопрос белорусско-польский. Если этот народ будет отделен от поляков границей национального „катастра“, то легко можно будет ввести в костел русский язык. Что же касается опасений возможности перехода здесь земли в польские руки, то, в крайнем случае, некоторые ограничения в этом направлении можно было бы оставить, хотя, строго

говоря, всякую с этой стороны опасность легко предупредить направлением польской экспансивности на запад, где в борьбе с немецким элементом должна найти исход национальная энергия поляков.

Самым удобным путем для разрешения польского вопроса, в общем и в частности, является путь императорского манифеста.

Если бы явилась необходимость уступок в вышеприведенном предположительном проекте будущего устройства Польши, то они во всяком случае не должны выходить из пределов языка.

Наконец, третьим условием разрешения „польского вопроса“ является использование русским правительством того факта, что среди поляков существуют здравомыслящие элементы, кои под влиянием полной необеспеченности и неизвестности, как, в конце концов, разрешится польский вопрос, стремятся поладить с Россией даже ценою далеко идущих политических уступок.

Обстоятельство это и должно послужить исходной точкой для русского правительства при разрешении вопроса о политическом устройстве Польши.

Как известно, среди поляков в настоящее время отмечается три главных течения, в смысле исповедания ими известного рода политических идеалов:

1) Течение резко определенно противороссийское, в своих стремлениях в настоящее время возлагающее все надежды на успех германского оружия.

2) Течение, которое стремится к созданию для поляков условий далеко идущей и возможно полной политической самостоятельности, не исключая в данном случае и возможности создания вполне самостоятельной Польши, при помощи русских элементов прогрессивно-демократического направления.

3) Особо яркими представителями третьего — „угодовческого“ течения является по преимуществу группа поляков в государственной думе, главным образом в лице депутатов Гарусевича, Яронского и Госцыцкого.

Первые два течения охватывают прогрессивно-демократические элементы всех оттенков, не исключая и самые крайние, к коим принадлежит известная часть дворянства и аристократии, ранее примыкавшей к так называемым „реалистам“, и, наконец, евреи, особенно горячо поддерживающие сторонников австрийской ориентации.

Третье — угодовческое — течение поддерживается представителями национал-демократической партии, а равно и всеми

вообще умеренными элементами, не исключая и подавляющего большинства католического духовенства.

При этом необходимо отметить, что вышеуказанное третье течение, в свою очередь, распадается на два особых, если можно так выразиться, подтечения: а) радикально настроенное и домогающееся самой широкой автономии для Польши, и б) умеренное, которое осталось бы довольным и более скромными рамками автономии, лишь бы Польша получила соответствующие условия для своего экономического развития. К этой последней группе принадлежат и вышепоименованные депутаты, несмотря на то, что обычная в таких случаях тактика и заставляет их выставять более повышенные требования.

Само собой разумеется, что в интересах правительства стремиться к тому, чтобы последнее течение, особенно его умеренная часть, было возможно более сильным и, — что особенно важно, — шло по одному руслу с общеполитическими тенденциями высшей государственной власти.

Иными словами, дело в том, чтобы среди поляков создать сильное течение, которое стояло бы на стороне центральной власти и искренне было бы предано русской государственности, — течение, которое могло бы, содействуя русской политике в Польше, оказать соответствующее противодействие на месте, в Польше, всем сепаратистским начинаниям радикально настроенных элементов.

Настоящий момент, помимо благоприятного настроения, господствующего теперь в среде руководящих польских политиков в Петрограде, весьма удобен для того, чтобы правительство предприняло какие-либо шаги в означенном направлении. Безусловно, в этом отношении может лишь идти речь о посреднической роли правительства, о действиях, кои, не нося официального и открытого характера, в то же время могли бы поддержать поименованных выше руководителей польской политики и поставить в сильнейшую зависимость от правительственных целей и намерений наличное среди поляков движение в пользу России.

Лучшим из таких средств было бы создание на средства правительства органов польской прессы. Необходимо использовать то благоприятное обстоятельство, что руководители польской политики, поставленные в необходимость отражать нападки польской оппозиционной печати и лишенные возможности давать им соответствующую отповедь, в силу отсутствия в своем распоряжении подходящих органов, легко будут вовлечены в известного рода зависимость от прессы,

поддерживающей их угодоческую политику в отношении русского правительства и могущей в любой момент противопоставить им мнение широких масс своих читателей, если бы эти политики не захотели удержаться на раз избранной дороге.

Изложенные выше три условия неизбежны для удовлетворительного разрешения польского вопроса, если только разрешение такового намечено серьезным образом и если дальнейшее развитие этого вопроса в будущем будет зависеть не от случайных, привходящих явлений или тенденциозных заграничных влияний, а исключительно от воли русского правительства и интересов российской государственности.

При этом, поскольку два первых условия, т. е. объединение польских земель и дело будущего политического устройства Польши, являются до некоторой степени лишь вопросом более или менее близкого будущего, — постольку третье условие (т. е. необходимость создания польской правительственной партии и в связи с этим издание польской прессы на средства правительства), нося характер подготовительных начинаний, рисуется делом текущего момента и, как таковое, требует возможно скорого разрешения.

15.

Памятная записка министра иностранных дел Сазонова от 17 апреля 1916 г. с приложением основных постановлений устава о государственном устройстве Царства Польского*).

За последнее время до меня с разных сторон доходят сведения, побуждающие меня признать, что настало время окончательно установить основания русской политики по польскому вопросу. Сведения эти двояки. С одной стороны, они указывают, что в Германии и Австро-Венгрии вырабатываются какие-то решения относительно будущих судеб Польши. В недавней речи фон-Бетман-Хольвега в германском рейхстаге им было сказано: „Не в наших намерениях и не в намерениях Австро-Венгрии был поднят польский вопрос. Он поднят исходом боев. Теперь этот вопрос поставлен на очередь и требует своего решения, и Германия и Австро-Венгрия его разрешат. История после таких грандиозных событий не знает возвращения к *status quo ante*. Как категорический тон заявления германского канцлера, так и ряд других признаков доказывают, что Германия ищет новых путей в своей политике по польскому вопросу, повидимому, до известной степени отличных от старых

*) Дело Чрезв. Сл. Ком. о Польше, л. 26.

тической интригой наших врагов и неразумными исканиями поляков, выросшими на почве безгосударственного существования.

Я полагаю, что в настоящее время серьезно можно обсуждать лишь три решения польского вопроса: независимость Царства Польского, самобытное существование Царства в единении с Россией и более или менее широкое провинциальное самоуправление края. Другие решения представляются запоздалыми и политически крайне для нас невыгодными.

Мысль отказаться от Польши, признать ее независимость и тем как будто раз навсегда покончить со всеми трудностями руководства судьбами польского народа может показаться на первый взгляд не лишенной некоторых выгод. Ее решительно высказывал в эпоху первого восстания император Николай Павлович, а теперь она находит себе довольно много приверженцев в русском обществе. Я считаю эту мысль ошибочной.

При отдельном существовании, Царство Польское, предоставленное своим собственным силам (международная гарантия или договорная нейтрализация при изменчивости международной обстановки едва ли много помогут), не в состоянии будет успешно бороться с Германией. Нам придется его защитить от германского натиска, только в условиях, менее отвечающих нашим интересам и выгодам, без возможности соответственным образом подготовить политическую, экономическую и военную оборону в пределах Царства. Затем, несомненно, отказ от Польши будет истолкован, как признак нашей слабости, ибо подобное отречение от столетнего прошлого нашей политики иначе массами оценено быть не может. К тому же, при такой оценке, мы уйдем из Польши до нашего окончательного „примирения“ с польским народом, который будет помнить последние десятилетия до войны и видеть в России враждебную польской народной стихии силу. А тогда Германия, при содействии австрийцев, может сблизиться с независимой Польшей и сделать Варшаву, как предвторым разделом, центром политической интриги, направленной против нас. Мы должны сохранить прямой общий контроль над судьбами Польского края и не должны отречься от нашей исторической традиции, созданной Екагериной II и Александром I и осуществлявшейся в разных формах в течение всего прошлого столетия.

Сголь же неудовлетворительным я считал бы, с точки зрения государственных интересов России, предоставление

Царству лишь провинциального самоуправления, хотя бы и в расширенной сравнительно с нашим земским и городским положениями форме. Как бы скромно ни ставилась в будущем такая реформа, она не может, после воззвания 1-го августа 1914 г., после трудов русско-польского совещания 22 июня—1 июля 1915 г. и речи статс-секретаря Горемыкина 19 июля 1915 г., избежать образования польского сейма и отмены ограничений в области польского языка, веры и школы. Таким образом, все внешние данные для организации в будущем польского национального движения будут налицо, но только польскому народу не будет одновременно дано достаточных законных путей приложения находившейся много десятилетий под спудом его энергии. Неминуемо вся работа поляков направится на борьбу за расширение пределов дарованной реформы, иначе говоря, на борьбу с Россией. Это будет вредно для поляков, но не менее тоже вредно и для России. Нам придется затрачивать множество сил на борьбу с польским национальным движением, и это в то время, когда все наши усилия должны быть направлены на организацию обороны будущих политических наших границ и на дело развития производительных сил России. В борьбе с направлением на завоевание внутри России новых политических прав польским народным движением вероятны два исхода: утомленные ею, мы будем нехотя делать запоздалые уступки, которые только скомпрометируют нашу политику или, растрачивая на ги силы там, где это всего менее настоятельно, мы собственными руками будем насаждать чувства вражды и недоверия к нам на передовой линии нашей внешней обороны. Не надо забывать, что политика борьбы с польским национальным движением осуществлялась бы после войны в совершенно иных моральных условиях, чем она осуществлялась после восстания 1863 года. Польский народ вышел из этого наиболее печального эпизода своей истории нравственно подавленным и обессиленным. Теперь такой атмосферы не будет. Насетение Царства справедливо будет считать себя свободным от какой бы то ни было вины перед Россией и неминуемо будет толковать отказ признать его национальные требования за акт исторической несправедливости.

Только средний путь ведет к цели. Надо создать в Польше такую политическую организацию, которая сохранила бы за Россией и ее монархом руководство судьбами польского народа и в то же время давала бы его национальному дви-

жению широкий выход, притом не на путь продолжения исторической тяжбы с Россией, а на путь правильного устройства внутренней политической жизни края. Это среднее решение было бы восстановлением традиций политики императора Александра I и императора Николая I, который даже после восстания 1830 года продолжал управлять краем по польским законам при помощи подчиненной князю варшавскому польской бюрократии.

В развитие изложенных выше соображений во вверенном мне ведомстве составлен прилагаемый при сем проект основных постановлений о политическом устройстве Царства Польского, которые представляются мне отвечающими истинным интересам нашей родины. Они покоятся на признании за Царством прав самобытной политической жизни с одновременным сохранением за Россией и ее государем суверенной власти в крае.

I.

„Царство Польское связано с государством Российским нераздельностью престола и единством дел общегосударственных.

В своих внутренних делах оно управляется особыми установлениями на основании особого законодательства.

II.

Дела общегосударственные (ст. 1) разрешаются в порядке, установленном основными государственными законами и иными действующими в государстве Российском узаконениями.

III.

Делами общегосударственными почитаются:

а) Постановления о наследовании престола и учреждении императорской фамилии.

б) Внешние сношения и международные договоры: законодательные и правительственные меры, вытекающие из международных договоров.

в) Войско и флот; воинская и другие военные повинности, отчуждение и обременение частных прав для военных целей; военное положение.

г) Дела православной церкви.

д) Денежное обращение, монета.

е) Общегосударственная роспись доходов и расходов: отчеты по ее исполнению, контроль над общегосударственными доходами и расходами.

ж) Займы на общегосударственные нужды.

з) Государственный банк.
и) Таможенное законодательство.
і) Косвенное обложение.
к) Почта, телеграф, радио-телеграф, телефон, воздухоплавание.

л) Железные дороги общегосударственного значения; железно-дорожные тарифы по общегосударственным и международным сообщениям.

м) Казенные монополии.

н) Авторское право и промышленная собственность.

о) Подданство, права иностранцев и иностранных обществ, товариществ и компаний.

п) Законы уголовные, относящиеся к делам общегосударственным.

р) Законы, определяющие порядок сношений и взаимного содействия правительственных и судебных установлений и разрешения столкновений гражданских законов империи и Царства Польского.

IV.

Члены государственного совета по выборам и члены государственной думы от Царства Польского не принимают участия в обсуждении и разрешении дел империи, не входящих в перечень дел общегосударственных.

V.

Делами внутренними Царства Польского (ст. 1) считаются все государственные дела, не внесенные в перечень дел общегосударственных (ст. 3).

VI.

Государь император осуществляет законодательную власть Царства Польского в единении с сеймом Царства. Ему принадлежит почин по всем предметам законодательства Царства. Он утверждает законы Царства, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

VII.

Власть управления Царства Польского во всем ее объеме принадлежит государю императору.

Осуществление полномочий его в делах управления может быть вверено, согласно сему уставу и иным действующим в Царстве Польском узаконениям, наместнику его императорского величества в Царстве и другим правительственным местам и лицам Царства.

VIII.

Государь император в порядке верховного управления Царства Польского издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов.

IX.

Государь император назначает и увольняет наместника его императорского величества в Царстве Польском, председателя совета министров и министров Царства, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения.

X.

Судебная власть Царства Польского осуществляется от имени государя императора установленными законом судебными местами Царства, решения коих приводятся в исполнение именем императорского величества.

XI.

Сейм Царства Польского состоит из двух палат: палаты представителей и сената.

Никакой закон Царства Польского не может последовать без одобрения обеих палат.

Сейму принадлежит право почина в законодательных делах Царства Польского.

XII.

Пределы ведения сейма и его устройство, а равно избрания и назначения членов палат устанавливаются учреждениями и законами, издаваемыми в законодательном Царства Польского порядке.

Впредь до издания сих учреждений и законов, применяются временные, утверждаемые государем императором единолично узаконения.

XIII.

Наместник его императорского величества в Царстве Польском представляет в Царстве власть государя императора.

Все внутренние государственные дела Царства Польского, восходящие к его императорскому величеству, подносятся ему наместником непосредственно.

XIV.

При наместнике состоит совет министров и министерства Царства Польского.

В состав совета министров Царства Польского входит министр статс-секретарь, состоящий при особе монарха по делам внутреннего управления Царства Польского.

Пределы ведения и власти совета министров и министерств Царства Польского и их устройство определяются особыми учреждениями и законами, издаваемыми в законодательном Царства Польского порядке.

Впредь до издания сих учреждений и законов применяются временные, утверждаемые государем императором единолично узаконения.

XV.

Впредь до изменения в законодательном Царства Польского порядке, действующие в Царстве узаконения, касающиеся внутренних его государственных дел (ст. 4), сохраняют силу, с тем, однако, что со времени настоящего устава власть, принадлежавшая генерал-губернатору, переходит к наместнику его императорского величества, а все содержащиеся в сих узаконениях ограничительные постановления относительно прав лиц польского происхождения, употребления польского языка и свободы католического вероисповедания признаются отмененными.

XVI.

Государственная роспись доходов и расходов Царства Польского ежегодно устанавливается в законодательном Царства Польского порядке.

Взимаемые в Царстве Польском налоги и пошлины, кроме означенных в ст. 2 сего устава, доходы с государственных имуществ и регалий, кроме означенных в той же статье, а равно суммы, выручаемые от займов Царства Польского, поступают в казну Царства и обращаются на покрытие государственных его нужд, согласно узаконениям, издаваемым по сему предмету в законодательном Царства Польского порядке.

XVII.

Все российские подданные пользуются в Царстве Польском полнотою прав, присвоенных постоянному населению Царства.

Законно возникшие в России торговые и промышленные общества, товарищества и компании имеют право действовать в пределах Царства Польского на равных основаниях с местными обществами, товариществами и компаниями.

XVIII.

Споры между общегосударственными властями и местными властями Царства Польского, связанные с применением настоящего устава, разрешаются особым присутствием правительствующего сената, с участием членов от Царства Польского, согласно закону, издаваемому в порядке общегосударственного законодательства.

XIX.

Никакой закон, последовавший либо в порядке общегосударственного законодательства, либо в законодательном Царства Польского порядке, не должен противоречить настоящему уставу.

Настоящий устав не может быть изменен иначе, как по почину государя императора, с одобрения законодательных учреждений государства Российского и сейма Царства Польского и утверждения его императорского величества“.

16.

Письмо посла в Париже Извольского на имя министра иностранных дел Сазонова от 25 апреля 1916 года *).

Милостивый государь Сергей Дмитриевич.

В предыдущих письмах и телеграммах моих были уже отмечены попытки действующих здесь польских агентов и сочувствующих им французских политических деятелей, главным образом, крайнего радикального направления, перенести польский вопрос на международную почву и побудить французское правительство предпринять с этой целью соответствующие шаги в Петрограде. Я имею полное основание думать, что г. Бриан и его ближайшие сотрудники отдают себе ясный отчет в опасности подобных шагов; тем не менее, производимое на них давление настолько сильно, что им приходится показывать вид, что они не боятся выступать перед русским правительством в пользу поляков. Примером этому может служить известная вам телеграмма г. Бриана Палеологу по польскому вопросу: телеграмма эта, правда, была составлена в очень осторожных выражениях, а г. Палеолог, при передаче вам ее содержания, кажется, придал ей еще более безобидный характер; тем не менее, как сама телеграмма,

*) Дела Чрезв. Сл. Ком. о Польше, л. 38. В левом углу наверху напечатано: „На подлинном собственною его императорского величества рукою начертано: „Покажите председателю сов. мин. Царская ставка 23 мая 1916 г.“. Ниже этого текста написано от руки чернилами: „Подлинное возвращено м-ру ин-х дел 26 мая 1916 г. Вручил чиновн. особ. поручений Граве управляющему канцелярией м-ра.—Б. Ш.“

так и полученный г. Палеологом от вас ответ были, по имеющимся у меня точным сведениям, использованы г. Брианом перед здешними полонофилами, как доказательство активной заботливости французского правительства о поляках. О другой попытке вызвать публичную манифестацию в пользу Польши, сделанной во время заседания в Париже конференции союзников, вам подробно известно из письма моего от 17/30 марта. Г. Бриан сумел, с обычною своею ловкостью, устранить предложение г. Буржуа и предотвратить неприятный для нас инцидент; но он вызвал этим неудовлетворение радикального крыла своего кабинета, которое, конечно, не преминет, в той или другой форме, при первом удобном случае возобновить вышесказанную попытку. Французское министерство иностранных дел продолжает в пределах для него возможного препятствовать развитию в здешней печати полонофильской кампании; так, например, по распоряжению его был конфискован номер социалистической газеты „Victoire“ со статьею г. Густава Эрве (бывшего анти-милитариста, а ныне горячего сторонника „войны до конца“) под заглавием „Gare a la Pologne“. В статье этой выражены, впрочем, мысли не одних социалистов, и я не ошибусь, сказав, что она является точным и ярким отражением господствующих в здешних широких кругах воззрений на польский вопрос.

Полонофильское настроение французской публики тщательно поддерживается польскою пропагандою, исходящею главным образом от различных польских организаций, находящихся в Швейцарии; при этом наибольшую деятельность проявляют некоторые крайние кружки при содействии польско-еврейских элементов; кружки эти оказались настолько сильны, что им, например, удалось помешать осуществлению предполагавшейся публичной лекции в Сорбонне г. Дмовского, которого они считают слишком умеренным и преданным России.

По возвращении из Швейцарии и Италии, г. Дмовский опять посетил меня и вновь сообщил мне взгляды и пожелания, изложенные в записке его, препровожденной вам при письме моем от 29 февраля (13 марта). На этот раз г. Дмовский, видимо, находился под сильным впечатлением полученных им из вполне достоверного источника сведений о том, что между Германией и Австро-Венгрией состоялось окончательное соглашение о будущем Польши, о чем г. фон-Ягов доверительно сообщил польским членам германского рейхстага. О содержании этого соглашения из

другого, менее непосредственного, но вполне серьезного источника г. Дмовский узнал нижеследующее: Галиция делится на две части: западную, или польскую, и восточную, или украинскую; большая часть Царства Польского, с 9 миллионами населения, вместе с Западною Галициею, составляет Польское государство и входит в состав Австрии приблизительно на тех же правах, на коих Хорватия входит в состав Венгрии; Холмщина присоединяется к Восточной Галиции и вместе с оною входит в состав Венгрии; Пруссия выпрямляет свою границу присоединением части пограничных Польских губерний.

По убеждению г. Дмовского, план этот по существу, конечно, не может удовлетворить польские вожделения; тем не менее, при нынешних обстоятельствах и после всех сделанных нами промахов и упущений, для того, чтобы восстановить против него польские умы, все более и более отворачивающиеся от России, с нашей стороны необходимы быстрые и вполне определенные решения. Г. Дмовский думает, что Россия должна ныне же выработать проект разрешения польского вопроса в смысле соединения всех трех частей Польши и образования из них национального Польского государства, связанного с Россией такими узами, которые обеспечивали бы общность государственной обороны и экономических интересов. Этот проект мог бы сделаться предметом соглашения между Россией и ее союзниками; при этом нет никакой необходимости торжественно объявлять о подобном соглашении; вполне достаточно, если поляки так или иначе узнают о его существовании и содержании, например, из газетных сообщений.

Подчеркнутые мною строки являются точным воспроизведением слов г. Дмовского и как бы краткою его формулою разрешения польского вопроса; формулу эту я обещал ему сообщить вам частным и доверительным образом; оговорившись, что я отнюдь не вхожу в обсуждение вопроса о будущем устройстве Польши по существу, я ограничился замечанием, что в вышесказанную формулу входит именно то, что, как мне известно, совершенно неприемлемо для России, именно—перенесение польского вопроса на международную почву.

Из всего вышеизложенного, мне кажется, можно заключить, что в настоящую минуту, под влиянием совершив-

шихся в последнее время событий как французские общественные и политические круги, так и выдающиеся польские деятели, не исключая более склонных к единению с Россией, приходят к совершенно одинаковым выводам, которые резюмируются следующим образом: поляки, шедшие с энтузиазмом в начале войны под впечатлением воззвания великого князя навстречу России, ныне, вследствие испытанных ими бедствий и разочарований, отворачиваются от нас и готовы принять из рук наших врагов судьбу, которая, хотя и не удовлетворяет их национальных вожелений, но, тем не менее, обеспечивает большей части польской нации, в непосредственном единении с Австрией, такие вольности в области самоуправления, религии и языка, которых им до сих пор не удалось получить от России. Подобный оборот дела грозит чрезвычайными опасностями не только России, но и всему союзническому блоку, ибо он может, прежде всего, облегчить Германии и Австрии образование польского войска; для того, чтобы вернуть поляков на прежнюю дорогу, необходимо внушить им надежду на то, что победа союзников уготовит им лучшую будущность, а для этого, прежде всего, следует возвратить им утраченное доверие к обещаниям России; достичь этого возможно лишь в том случае, если Россия ныне же возьмет на себя выработку проекта широкой автономии воссоединенной Польши, и если к этому проекту в той или другой форме присоединятся ее союзники. Можно безошибочно сказать, что подобный взгляд на разрешение польского вопроса с каждым днем все более укрепляется в сознании французского общественного мнения; до сих пор французское правительство формально борется с этим взглядом, но нельзя не предвидеть, что при дальнейшем развитии событий оно будет принуждено уступить общему течению и что это может привести его к трениям с нами. С моей стороны было бы непростительно, если бы я заранее и своевременно не предупредил вас об этом и не обратил на это самого серьезного вашего внимания.

Примите, милостивый государь, уверения в глубоком моем почтении и совершенной преданности. *Извольский.*

P. S. Считаю не лишним приложить у сего еще две статьи г. Эрве по польскому вопросу, из коих одна, кажется, тоже была конфискована цензурою.

Извольский.

Всеподданнейший доклад Штюрмера Николаю Романову по поводу письма Извольского *).

Копия.

Вашему императорскому величеству благоугодно было начертать на письме гофмейстера Извольского к министру иностранных дел от 25 апреля/8 мая сего года по вопросу о будущем Польши: „Покажите председателю совета министров“.

Во исполнение сего высочайшего вашего величества повеления гофмейстер Сазонов представил мне как означенное письмо Извольского, так и всю записку об автономии Польши с приложением проекта таковой.

Имею честь повергнуть на благовоззрение вашего величества, что письмо гофмейстера Извольского предостерегает правительство от возможных, по мнению нашего посла, попыток перенести польский вопрос на международную почву. Гофмейстер Извольский объясняет при этом, что Бриан, под влиянием радикального крыла своего кабинета, все с большим и большим трудом отстраняет делаемые ему с разных сторон предложения выступить по польскому вопросу с соответствующими шагами в Петрограде, хотя и отдает себе ясный отчет в опасности подобных шагов.

По мнению гофмейстера Извольского, в настоящую минуту, под влиянием событий последнего времени, французские общественные и политические круги приходят к выводу, что поляки, разочаровавшись в России, легко могут перекинуться на сторону Германии и Австрии, чем будут созданы чрезвычайные опасности не только для России, но и для всех союзников. Дабы избежать этого, необходимо возратить полякам утраченное ими доверие к обещаниям России, а это может быть достигнуто лишь при 2-х условиях, а именно, если Россия ныне же возьмет на себя разработку проекта широкой автономии воссоединенной Польши и „если к этому проекту, в той или другой форме присоединятся ее союзники“. Последнее условие в действительности означает, что речь идет уже не о простой готов-

*) Копия напечатана на пишущей машинке. На первой стр. над текстом надпись от руки чернилами: „Подлинный всеподданнейший доклад препровожден его императорскому величеству. 26 мая 1916 г. в царскую ставку. Б. Ш.“. Дела Чрезв. Следств. Ком. о Польше, л. 42.

ности России пойти на известные меры по отношению к полякам, но и о международных гарантиях в добросовестности намерений России.

Гофмейстер Извольский заканчивает свое письмо заявлением, что „до сих пор французское правительство формально борется с этим взглядом, но нельзя не предвидеть, что при дальнейшем развитии событий оно будет принуждено уступить общему течению и что это может привести его к трениям с нами“.

Гофмейстер Сазонов, как явствует из составленной им по сему вопросу записки, не только разделяет опасения императорского посла в Париже о возможности некоторых трений между союзниками из-за вопроса о будущем Польши, но и по существу является убежденным сторонником необходимости для России теперь же высказаться по польскому вопросу и именно в том смысле, в каком, повидимому, того хотели бы, сколько можно судить по вышедшему письму Извольского, общественные и политические круги Франции.

Гофмейстер Сазонов утверждает, что хотя Россия и не должна допустить формально международной постановки польского вопроса, но что, в действительности, нельзя отрицать его международное значение. По мысли гофмейстера Сазонова, Россия обязана перед своим прошлым и ради своего будущего сама разрешить этот вопрос, и для того именно, чтобы избежать формально международной постановки вопроса, необходимо дать решение возможно скорее и найти ему возможно полное, ясное и недвусмысленное выражение.

Обсудив засим различные формы решения вопроса, гофмейстер Сазонов предлагает проект такого широкого провинциального самоуправления Польского края, при котором поляки имели бы, с известными, конечно, ограничениями в пользу общегосударственного начала, свой сейм, своих министров, свое местное законодательство и свою казну.

Рассмотрев письмо гофмейстера Извольского, а равно записку гофмейстера Сазонова и составленный ими же проект автономии Польши, я, со своей стороны, мог бы остановиться на мыслях, изложенных в означенных документах, если бы в них я мог найти ответы на те главнейшие, с точки зрения моего понимания, вопросы, без предварительного разрешения которых едва ли вообще возможно с надлежащей уверенностью и в сознании ответственности перед вашим величеством определить свое отношение ко всему этому делу.

Не считая себя в праве сомневаться в точности показаний императорского посла в Париже, я тем не менее спрашиваю себя, действительно ли удельный вес России как государства, отдавшего все силы свои на борьбу с общим врагом, так уменьшился за последнее время среди союзников ее, что уже настала или в более или менее близком будущем может настать минута, когда, забыв взаимные права и обязанности, один из союзников возьмет на себя прямое вмешательство в дело, по всему его прошлому и настоящему и по самой сущности его всецело принадлежащее России, и только ей одной. Мне казалось бы, что если еще возможен известный обмен мнений, тогда, когда милостию господ и доблестью армии вашего величества сотрутся границы, разделяющие одно от другого различные земли бывшего Польского государства, то никоим образом не может быть допущена никакая попытка в этом смысле теперь, пока судьба всех этих земель должна еще быть разрешена силой оружия.

Таким образом, не считая себе в праве оспаривать факты, которые особенно выдвигаются как императорским послом в Париже, так и министром иностранных дел, равно как допуская, что, очевидно, их серьезность не преувеличена, я, тем не менее, не мог бы в своих представлениях о достоинстве и силе державы Российской примирить эти факты с теми выводами, какие из них делаются.

Я признаю, что государственная мудрость выражается в предвидении и посему в том, чтобы заблаговременно были предотвращены надвигающиеся затруднения. Я опасался бы, однако, обращать такое заблаговременное предотвращение возможных затруднений в прием, быть может, и самый простой, но тем более опасный — разрешать сложнейшие вопросы государственной жизни путем легкого отказа от настоятельных требований реальной политики. Если России и предстоит сказать свое веское и единственно ей принадлежащее решающее слово по польскому вопросу в его полном объеме, то ни один из доводов, приводимых выше изложенными документами, не убеждает меня в том, что время это уже настало. Оно не настало уже по одному тому, что еще далека минута, когда можно было бы говорить о польском вопросе в его целом. Я не видел бы также и тех действительных причин, которые побуждали бы непременно что-либо заявлять по польскому вопросу именно теперь и к тому же немедленно, если таковыми причинами не считать, с одной стороны, исторически опре-

делившуюся излишнюю нервность поляков, а с другой, готовность общественных и политических деятелей любой страны жертвовать во имя красивого жеста самыми существенными реальными задачами даже своих друзей и союзников.

По существу же польских стремлений, как его понимают те более умеренные польские круги, которые главным образом имеются в виду в письме гофмейстера Извольского и в записке гофмейстера Сазонова, я имею счастье повергнуть на благовоззрение вашего величества в особом докладе по поводу записки князя Любомирского.

18.

Записка кн. Любомирского, представленная Николаю Романову в мае 1916 г. *).

Копия.

Высочайше подтвержденное воззвание августейшего верховного главнокомандующего, подтвердившее перед всем миром справедливость заветного стремления польского народа к объединению расторгнутых частей отечества, было тем рычагом, который дал руководящее направление русско-польским отношениям; восторженный же отклик, который воззвание это вызвало в массах польского народа, был именно последствием [надежды?] объединения всех польских земель.

Надежда эта была руководящей идеей, которая объединила польский народ в его стремлениях во время войны. Все деяния и поступки огромного большинства поляков ежечасно подтверждали глубокую веру народа в перемену русско-польских отношений. Местные власти, однако, неизменно применяли прежнюю систему беспощадного притеснения всякого проявления польского духа и вообще всего польского и на каждом шагу подчеркивали свое недоброжелательное отношение к воззванию; помимо этого, правительство не предприняло ничего для подтверждения, что воззвание является не политическим маневром, а действительно решительным историческим актом.

*) Дела Чрезв. След. Ком. о Польше, л 46. Копия записки кн. Любомирского по польскому вопросу отпечатана на 3 стр. пишущей машинки. На первой странице над текстом надпись чернилами от руки: „С записки князя Любомирского, представленной им его императорскому величеству и государем императором мне переданной в царской ставке 26 мая 1916 года.—Б. Ш.“

Первый период войны окончился разорением края и отступлением русских войск, эвакуация же Варшавы усугубилась многочисленными арестами польской молодежи и детей, вывезенных уезжающими властями.

Польшу заняли германские войска и всякое сообщение с Россией было прервано; последним известием, проникнувшим в Варшаву, было обещание 19 июля 1915 г. автономии, — обещание, которое, однако, не указывало ни пределов ни характера намеченной реформы.

Прошел почти год. В Польше известно, что все попытки урегулирования польского вопроса в России встречали неизбежно самый решительный отпор и кончались всегда заявлением, что решение это необходимо отсрочить до конца войны. Естественное, что вследствие этого сложилось убеждение, что Россия не интересуется больше решением польского вопроса, те же, которые не потеряли веры в осуществление обещаний, оповещенных воззванием, основывают свою веру исключительно на внутреннем убеждении, лишенном каких бы то ни было фактических данных, столь необходимых для народных масс. Германия и Австрия, эксплоатируя занятые земли и разоряя их экономически, на ряду с этим поощряют свободное развитие польской народной жизни, не стесняют польских школ, восстановили польский университет и политехникум, предоставляют населению самому и неограниченно создавать свой общественный строй, подчеркивают на каждом шагу исключительно польский характер занятого края и, пользуясь молчанием России, стараются внушить населению недоверие к ней и ее обещаниям. Ознакомившись ближе с местными условиями и убедившись в рискованности присоединения большой объединенной Польши, Германия и Австрия рядом газетных статей и полуофициальных заявлений внушают идею создания отдельного Польского государства, которое может войти в состав немецкой империи, или же будет присоединено к Австрии на подобие Венгрии; задачей такого государства намечается служить буфером между Россией и центральными державами.

Последствием войны держав четверного согласия с центральными империями явилось коренное изменение международных отношений. Вследствие этих именно изменений и вызванных ими последствий, польский народ направил все свои стремления и усилия к объединению возможно большого пространства этнографических польских земель в одно государство с самостоятельным внутренним

строим. Стремление это воодушевляет всех поляков, несмотря на различия их политических или социальных убеждений. Это стремление стараются использовать для своих целей центральные державы. Стремление это, однако, могло бы послужить и России исходной точкой для разрешения польского вопроса и создания оплота против гражданских вожделений. Для этого следовало бы совершенно ясно и определенно установить будущие отношения России и Польши, подтвердить, что в будущем Польша под скипетром русского царя будет иметь свой самостоятельный свободный внутренний строй, и определить отношения Польши к целостности Российской империи.

Все это следовало бы оповестить особым государственным актом.

Провозглашение прав Польши не должно быть поставленным в зависимости от размера Польского края, который останется при России. Даже если бы результаты войны не достигли желаемого объединения всей Польши, и при России осталась только часть Польского края, она должна получить полностью обещанный строй, ибо только в этих условиях она составит центр, к которому будут тяготеть немецкие и австрийские польские наделы.

Провозглашение, однако, такого акта должно последовать возможно скоро. Всякое продление неопределенности, в которой находится ныне в России польский вопрос, как нельзя более на руку центральным державам, тогда как указанный выше акт, разрешая окончательно польский вопрос, предупредил бы все их затеи и парализовал бы злонамеренную и вредную деятельность.

Пока же, [как] живое доказательство коренного изменения русско-польских отношений, необходимо прежде всего и немедленно отменить все национальные и вероисповедные ограничения в правах поляков на всем пространстве Российской империи.

Такой акт справедливости был бы убедительным ответом на оставленные в силе ограничения прав поляков в Германии, и обильным посевом любви и благодарности монарху и русскому народу..

Князь Станислав Любомирский.

17 мая 1916 г.

**Доклад Штюрмера Николаю Романову по поводу
„записки“ кн. Любомирского *).**

Копия.

Вашему императорскому величеству благоугодно было передать мне для ознакомления „записку“ князя Станислава Любомирского от 17 сего мая по вопросу о Польше.

Имею счастье привести на благовоззрение вашего императорского величества, что записка эта определенно распадается на две части, из которой в первой излагается, насколько серьезны обещания, даваемые полякам со стороны Германии и Австрии, а во второй выражается опасение, что равнодушие к будущей судьбе Польши, проявляемое с русской стороны, может вызвать у польских масс настроения, более благоприятные центральным европейским державам, нежели России.

Князь Любомирский удостоверяет, что Германия и Австрия, эксплоатируя занятые земли и разоряя их экономически, на ряду с этим поощряют свободное развитие польской народной жизни, и что оба эти государства, убедившись „в рискованности присоединения большой объединенной Польши“, внушают ныне полякам „идею создания отдельного Польского государства“, которое, будучи введено в состав немецкой империи, или же, на подобие Венгрии, присоединенное к Австрии, намечается для роли „буфера между Россией и центральными державами“.

Удостоверяя засим, что все поляки воодушевлены в настоящее время стремлением видеть об'единенным возможно большое пространство „этнографических польских земель“ в одно государство с самостоятельным внутренним строем, князь Любомирский полагает, что было бы в интересах России ныне же оповестить государственным актом, что „в будущем Польша, под скипетром русского царя, будет иметь свой самостоятельный свободный внутренний строй“, и что в том же акте будут определены „отношения Польши к целости Российской империи“.

Князь Любомирский полагает в заключение, что „провозглашение прав Польши“ должно последовать независимо

*) Дела Чрезв. След. Ком. о Польше, л. 49. Копия напечатана на 7 страницах на пишущей машинке. Над текстом надпись от руки чернилами: „подлинный доклад препровожден его императорскому величеству 26 мая 1916 г. в царскую ставку.—Б. Ш.“.

от того, останутся ли за Россией все части Польши, или же только некоторые. Пока же, как живое доказательство коренного изменения русско-польских отношений, необходимо, по мнению князя Любомирского, немедленно отменить все национальные и вероисповедные ограничения в правах поляков на всем пространстве Российской империи.

Таким образом, князь Любомирский, с достаточною откровенностью излагает свое убеждение, что посулы немецких государств оказали уже свое действие на русских поляков и что эти последние уже готовы отозваться на призывы из-за рубежа, столь совпадающие с их давнишними мечтами об особой польской государственности на территории весьма обширной, определяемой даже не историческими, а более широкими этнографическими признаками. Он полагает лишь, что поляки все же могли бы воздержаться от принятия австро-германской программы, если бы с русской стороны была немедленно провозглашена такая программа, которая была бы для поляков соблазнительнее, чем программа австро-германцев.

Как явствует из данных, поступающих в министерство внутренних дел, русские поляки, подразумевая под этим наиболее заметных поляков, общегосударственных деятелей, не только, согласно удостоверения князя Любомирского, склонны интересоваться предложениями австро-германцев, но уже приступили к определенным практическим шагам в духе этих предложений. С означенною целью, после ряда секретных переговоров, в январе текущего года, с согласия австрийского и германского правительств, в Кракове состоялась общая конференция представителей всех трех частей Польши. С русской стороны в конференции приняли участие, среди других членов государственной думы, Парчевский и Лемпицкий, адвокат Патек и еврей Кемпнер. На конференции было принято решение объединить Польшу под скипетром Габсбургов, сохранив за Германией Познань, но получив взамен русские области с выходом к морю. Для ускорения дела конференция постановила образовать в нейтральных странах особые бюро, на которые возложено создать соответствующую пропаганду среди русских поляков.

Немедленно после краковской конференции начались усиленные совещания на закрытых собраниях в „Польском доме“ в Москве; от имени конференции прибыли представители стокогольмского польского комитета. На собраниях этих австро-германские обещания были признаны вполне приемлемыми, после чего обсуждались способы, каким

можно было бы наиболее выгодным для поляков образом превратить эти обещания в действительность.

С того же времени издающаяся в Петрограде польская газета „Дневник Петроградский“, в начале войны заявлявшая о ненависти поляков к германцам и о внутренней их связи с Россией, быстро начала принимать дух австро-германских настроений и в этом отношении дошла до таких пределов, что я увидел себя вынужденным принять меры к прекращению этого издания.

Изложенные данные, в точности которых я не имею основания сомневаться, тем более, что они совпадают с доходящими до меня сведениями из частных источников, побуждают меня считать доказанным, что переживаемая Россией война принимается русскими поляками не как серьезное испытание, постигшее их общую родину, империю Российскую, а как историческая минута, которую им необходимо использовать с наибольшей выгодой для восстановления особого Польского государства. Понимая, что полная независимость будущей Польши едва ли вообще возможна, русские поляки готовы примкнуть к той совокупности условий, которая в последнее мгновение окажется более властной, и при этом совершенно независимо от соображений об интересах державы Российской. Исторически ненавидя германцев, русские поляки в то же время не намерены искать будущего устройства своего от доброй воли вашего величества, полагая, что обстоятельства вполне дозволят им ныне же ставить России определенные условия. Наименьшим из таковых, как то и высказывается в записке князя Любомирского, они считали бы торжественное с высоты русского престола заявление о свободном внутреннем строе будущей русской Польши, хотя бы таковая после войны и не вышла из пределов нынешнего Царства Польского и губерний юго-западных и северо-западных, если считать серьезными указания поляков на этнографические признаки, как на мерило польской территории. При сем под свободным внутренним строем понимается и политическая автономия, возможно ближе подходящая к представлениям об особой польской государственности. В виде первого шага в этом направлении ожидается от вашего величества немедленное же полное уравнивание в правах с коренным русским населением.

Русские поляки указывают при этом, если не в форме прямой угрозы, то, во всяком случае, в виде предостереже-

ния, что непринятие их условий может повести к последствиям в духе австро-германских пожеланий.

Не входя в подробное обсуждение вопроса о том, насколько вообще допустима подобная постановка дел государственной важности и значения, я полагал бы, однако, что именно эта решимость русских поляков ставить державе Российской определенные условия значительно облегчает практическое разрешение дела. Ставя условия, и к тому же столь ограниченные, для русских интересов, поляки тем самым снимают со счетов все те доводы, которые обычно приводились и приводятся в защиту польских прав, а именно—доводы об общем славянском происхождении, о готовности поляков забыть прошлое ради общих интересов, о патриотизме, проявленном поляками в первые периоды войны, о взаимной готовности слиться в одном братском чувстве. Если ныне, в минуты, когда силы верноподданных вашего величества призываются к наивысшему напряжению, поляки уже готовы преклонить слух к лживым и коварным обещаниям злейших врагов наших и всего славянства и, таким образом, сами как бы настаивают, чтобы дело их разрешалось исключительно с точки зрения реальной политики и ближайших условий сегодняшнего дня, то едва ли должно сомневаться в том, что именно теперь особенной осторожности требовал бы каждый шаг в пользу польских стремлений. Пока Царство Польское находится в руках врага, русские поляки могут осложнить положение России только подпольными интригами и мелким политиканством. В то же время каждое заявление, которое было бы сделано вашим величеством в пользу польских притязаний, было бы широко использовано, как заявление, связывающее Россию на будущие времена и, само собою разумеется, со всеми последствиями этого. Будучи весьма полезно полякам, оно практически не только ничего не давало бы России, а, наоборот, отнимало бы у нее.

Многое уже даровано вашим величеством и августейшими предками вашими полякам, живущим в пределах Российской империи, но, как показывает опыт, никогда царские милости и доверие монархов русских не могли удовлетворить польских политических деятелей. Их искания безграничны, а в своих стремлениях к обособлению от России они неисправимы.

Об изложенном долгом почитаю повергнуть на благовоззрение вашего императорского величества.

**Письмо вр. управляющего министерством иностр. дел
Нератова на имя Штюмерера *).**

Милостивый государь Борис Владимирович.

Перед своим отъездом в Финляндию С. Д. Сазонов уже лично уведомил ваше высокопревосходительство, что на всеподданнейшем докладе его в царской ставке 29-го минувшего июня государю императору благоугодно было повелеть ему объявить г. государственному секретарю статс-секретарю Крыжановскому высочайшую волю, чтобы он выработал проект манифеста о всемилостивейшем даровании Польше нового политического устройства.

Выработанный во исполнение такового высочайшего повеления т. с. Крыжановским проект был повергнут мною по поручению С. Д. Сазонова на всемилостивейшее благовоззрение.

Его императорскому величеству благоугодно было вернуть мне сегодня означенный проект, собственоручно изволив начертать на моей докладной записке: „Немедленно рассмотреть в совете министров“.

Вследствие этого считаю своим долгом представить у сего вашему высокопревосходительству как самый проект манифеста, так и копию с упомянутой докладной записки, удостоившейся вышеприведенной высочайшей пометы.

Пользуюсь случаем, чтобы просить вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ваш покорнейший слуга *А. Нератов*.

Петроград, 9-го июля 1916 г.

№ 52/п.

**Всеподданнейшая докладная записка управляющего
министерством иностранных дел **).**

Копия.

По поручению министра иностранных дел, приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества составленный по

*) Дело канц. сов. министров об устройстве Польского края, ч. II, л. 1—2.

**) Там же, л. 3. На копии пометка от руки: «на подлинном его императорскому величеству благоугодно было начертать: „Немедленно рассмотреть в совете министров. На царской ставке. 8-го сего июля“.

высочайшему повелению государственным секретарем тайн. совет. Крыжановским проект манифеста о будущем устройстве Польши.

При этом осмеливаюсь доложить, что С. Д. Сазонов считал бы осуществление высочайше предназначенного мероприятия по политическим соображениям неотложным и, сообразно с этим, полагал бы, что, если представляемый проект манифеста удостоится всемилостивейшего одобрения, его скорейшее рассмотрение по высочайшему повелению в совете министров, могущем быть созванным для этого и вне очереди, являлось бы крайне желательным.

Нератов.

Петроград, 6 июля 1916 г.

Проект манифеста о будущем устройстве Польши, составленный Крыжановским.

Бо жиею милостию

мы, Николай второй, император и самодержец всероссийский, царь польский и великий князь финляндский и проч., и проч. и проч.

Объявляем всем нашим верным подданным:

1 августа 1924 года, в самом начале войны, мы возвестили чрез верховного главнокомандующего армией и флотом великого князя Николая Николаевича державную волю нашу возродить под скипетром своим Польшу, свободную в вере, языке и самоуправлении. Решение сие, основанное на убеждении совести и всем опыте долголетнего царствования нашего, мы подтвердили в заявлении, сделанном от имени нашего председателем совета министров 19 июля прошлого года при открытии занятий государственного совета и государственной думы.

Последовавшее вскоре затем временное отступление войск наших из губерний Царства Польского, вызванное недостатком боевых припасов, замедлило осуществление изъясненных предназначений.

Ныне тяжелый год неудач уже миновал. Дружной работой всего народа русского устранен недостаток в боевом снаряжении, и доблестные войска наши с новой силой теснят врага, озаряя знамена свои блеском побед.

Труден и долог предстоящий им бранный путь. Много усилий и множество жертв придется еще понести для

одоления врага. Но и теперь уже ясно, что мы победим и свершится во всей полноте те заветные цели, ради коих Россия проливает кровь в этой тяжелой войне.

Настало посему время закрепить на твердых основаниях закона обещания, данные нами народу польскому, сохранившему в невыразимо тяжелых условиях верность долгу присяги и делу славянства и тем стяжавшему дань уважения всех, кому доступны чувства правды и права.

В ясном сознании, что избранный нами путь отвечает пользе народа русского в той же мере, как и польского, мы признаем за благо предоставить Польше всю ту свободу устройства ее внутреннего быта, какая совместна с сохранением единой для обоих народов государственности, как наилучшей опоры в защите от общего врага. Твердо верим, что все граждане Великой России разделят убеждения совести нашей и приложат силы к тому, чтобы вековая распря двух братских народов, столь долго служившая на пользу врагам, сменилась справедливым признанием взаимных обязанностей и прав, доверчивым и дружественным сотрудничеством на общей ниве славянской.

А посему повелеваем правительству нашему внести в законодательные учреждения, не позднее возобновления занятий оных, а учреждениям сим незамедлительно рассмотреть положение о предначертанном нами новом устройстве Польши в тех пределах, в коих промыслу господнему благоугодно будет вверить ее державному обладанию нашему. В основу сего устройства положить нижеследующие начала, дальнейшее развитие коих будет делом законодательного обсуждения.

1. Царство Польское связано с государством Российским нераздельностью престола и единством дел общегосударственных. В своих внутренних делах Царство управляется особыми установлениями на основании особого законодательства.

2. Дела общегосударственные разрешаются в порядке, установленном основными государственными законами и иными действующими в государстве Российском узаконениями, и ведаются в пределах Царства Польского общегосударственными учреждениями и должностными лицами, непосредственно подчиненными министрам империи.

3. Члены государственного совета и государственной думы, избираемые от Царства Польского, не принимают участия в обсуждении и решении дел империи, не входящих в перечень дел общегосударственных.

4. Делами общегосударственными почитаются: постановления о наследовании престола и учреждение императорской фамилии, внешние сношения и международные договоры, войско, флот, отбывание воинской повинности и вообще дела обороны, дела православной церкви, денежное обращение, монета, государственный банк, государственная роспись доходов и расходов, железные дороги общегосударственного значения, тарифы общегосударственные и международные, почта, телеграф, телефоны, воздухоплавание, таможенное законодательство и сборы, косвенные налоги и казенные монополии, подданство, права иностранцев и иностранных обществ, авторское право и промышленная собственность, законодательство, касающееся пределов обязательности общегосударственного языка, законодательство, касающееся выборов в государственный совет и государственную думу и определение числа членов совета и думы от Царства Польского, законодательство уголовное, относящееся к делам общегосударственным, и законы, определяющие порядок сношений и взаимного содействия правительственных и судебных установлений и разрешения столкновений гражданских законов империи и Царства Польского, а равно пререканий между общегосударственными и местными Царства Польского властями.

5. Внутренними делами Царства Польского почитаются все государственные дела, не внесенные в перечень дел общегосударственных.

6. Законодательная власть по внутренним делам Царства Польского осуществляется нами в единении с сеймом Царства, образуемым из двух палат.

7. Власть управления в Царстве Польском во всем ее объеме принадлежит нам и может быть вверяема нами наместнику в Царстве, а равно совету министров, министрам и другим правительственным местам и лицам Царства.

8. Судебная власть Царства Польского осуществляется от имени нашего установленными законом судебными местами Царства.

9. Законы Царства Польского обнародуются во всеобщее сведение чрез правительствующий сенат империи в дневнике законов Царства. Они не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует постановлениям об устройстве Царства Польского.

10. Пределы ведения сейма и его устройство, а равно пределы власти и ведения совета министров, министерств

и прочих учреждений Царства Польского устанавливаются законами, издаваемыми в законодательном Царства Польского порядке.

Впредь до издания сих законов, применяются временные постановления, издаваемые нами единолично.

11. Поступающие в Царстве Польском доходы от общегосударственных налогов, пошлин, имуществ, монополий и регалий обращаются на общегосударственные нужды согласно общегосударственной росписи доходов и расходов.

Местные Царства Польского налоги и пошлины, устанавливаемые в законодательном Царства порядке, а равно другие местные государственные доходы обращаются в казну Царства на его нужды.

12. Все российские подданные пользуются в Царстве Польском полнотою прав, присвоенных постоянному населению Царства.

13. Пререкания между общегосударственными властями и местными властями Царства Польского разрешаются особым присутствием правительствующего сената с участием членов от Царства Польского.

14. Имеющее быть установленным положение об устройстве Царства Польского не должно быть изменяемо иначе, как по почину нашему, с согласия государственных совета и думы и сейма Царства Польского и с нашего утверждения.

С тем вместе, в устранение всяких сомнений в бесповоротности решения нашего, повелеваем впредь до утверждения в законодательном порядке предначертанного нами нового устройства Царства Польского подчинить его, по мере занятия войсками нашими, взамен существующего ныне гражданского управления, временному управлению военному, на основаниях, кои будут особо от сего нами предуказаны в согласии с возведенными выше начальами.

Призывая благословение божие на нас и на любезных подданных наших всех званий, сословий и состояний, народностей и исповеданий, под сению державы нашей пребывающих, молим господа и творца, да укрепит сие начинание наше, как основу и залог преуспевания в мирном труде и свободном развитии всех славянских держав и народов.

Дан в . . . в . . . день в лето от рождества Христова тысяча девятьсот шестнадцатое, царствования же нашего в двадцать второе.

Секретное письмо главнокомандующего армиями юго-западного фронта Брусилова на имя начальника штаба верховного главнокомандующего Алексеева от 16 июня 1916 г. № 50 *).

Копия.

Ознакомившись с запиской по польскому вопросу, составленной в министерстве внутренних дел и препровожденной начальнику штаба фронта 5 июня за № 3029, я считаю необходимым высказать нижеследующие соображения, которые, как мне кажется, послужили главной причиной создавшегося ныне отношения поляков к русским.

Австрия предлагает полякам точно определенные права и государственность, мы же дальше неопределенных обещаний не идем.

Очевидно,—и в этом нет ничего удивительного,—поляки выбирают то, что для них выгоднее.

Я считаю, что единственная возможность расположить поляков в пользу России состоит в том, чтобы теперь же без промедления реально осуществить им обещанное, в тех размерах, которые признаются ныне допустимыми, но которые, конечно, не должны быть меньше того, что предлагает полякам Австрия.

Уважающий вас покорный ваш слуга

А. Брусилов.

Письмо Алексеева на имя Штюмерера от 22 июня 1916 г. № 1365.

Милостивый государь

Борис Владимирович.

Имею честь препроводить у сего вашему высокопревосходительству копию письма главнокомандующего армиями юго-западного фронта от 16-го сего июня № 50 по поводу записки по польскому вопросу, составленной в министерстве внутренних дел.

*) Дело Чрезв. След. Ком. о Польше, л 55. Копия заверена секретарем диплом. канц. при верх. главнокомандующем С. Валуевым.

С своей стороны, присоединяясь вполне к мнению генерал-ад'ютанта Брусилова, я считаю, что предложенное им решение польского вопроса является в настоящее время единственно целесообразным и потому было бы желательно осуществить его возможно незамедлительно.

Примите, милостивый государь, уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Мих. Алексеев.

23.

Особый журнал совета министров 13, 16 и 18 июля 1916 года, с приложением проекта манифеста большинства членов совета министров *).

По вопросу о будущем внутреннем устройстве Царства Польского.

Вашему императорскому величеству благоугодно было 8 июля 1916 года на всеподданнейшей записке временно управляющего министерством иностранных дел гофмейстера Нератова, по поводу разработанного статс-секретарем Крыжановским проекта манифеста о всемилостивейшем даровании Польше нового политического устройства, собственно-ручно начертать: „Немедленно рассмотреть в совете министров“.

Войдя во исполнение такового высочайшего повеления в рассмотрение подлежащего проекта, совет министров выслушал изустное указание гофмейстера Штюмерера о том, что из'ясненная монаршая воля не ограничивает свободы суждений совета по предположениям, намеченным государственным секретарем.

Обращаясь к соображению, прежде всего, принципиальной стороны настоящего дела, три члена совета министров (Григорович, Шуваев и Риттих) высказали, что создавшаяся на театре военных действий обстановка повелительно требует оглашения во всеобщее сведение, в точных и ясных, не допускающих произвольного толкования выражениях, намерений русского правительства в вопросе о правовом положении польских областей под державою российскую. Наша армия приближается к пределам польских земель. Предстоит тяжелая борьба с захватившим и тщательно их

*) Дело Чрезв. След. Ком. о Польше, л. 62.

укрепившим неприятелем. Выполнение этой задачи, несомненно, значительно упростится, если русские войска встретят дружественную поддержку среди местного населения, и не мало напрасных жертв и усилий будет избегнуто. Для создания таких благоприятных условий и представляется настоятельно важным ныне же бесповоротно рассеять поддерживаемые вражескими наговорами и посулами сомнения, открыто сказав польскому народу, что именно и в каком объеме может он ожидать от России для дальнейшего развития своего культурно-национального бытия. Правда, в обнародованном при возникновении войны бывшим верховным главнокомандующим воззвании к полякам и в сделанном бывшим председателем совета министров при возобновлении занятий законодательных учреждений 19 июля 1915 года заявлении содержатся известные обещания о преобразовании управления Польского края. Но обещания эти имеют лишь общий смысл, не закрепленный в каких-либо определенных положениях, и тем самым дают повод к различным нежелательным, питающим тревожные настроения, толкам. Всемиловейший акт, выражающий непреклонную, обязательную для правительства и других государственных установлений высочайшую волю даровать Польше внутреннее самоуправление и предрекающий основные начала ее взаимоотношения к империи, положит конец недоверию, уничтожит почву для злонамеренной агитации и укрепит польский народ в сознании общности его интересов с Россией в великой борьбе против немецкого нашествия. Находя по всем этим соображениям своевременным издание такого акта в виде высочайшего манифеста, три члена совета министров почитают себя обязанными отметить, что промедление в данном случае могло бы повлечь за собою неблагоприятные последствия. Не следует забывать, что общественное мнение союзных нам государств склонно искать идейное оправдание несомых ныне Европою бесчисленных кровавых и материальных жертв в признании происходящей войны борьбою за право и свободу самоопределения малых народов, в частности польского. Взгляд этот особенно распространен во Франции, связанной с поляками традиционными узами и множеством приютившихся в ней эмигрантов. По удостоверению присутствовавшего в заседании совета министров гофмейстера Нератова, французское правительство указывало нам на господствующую во французских общественных и политических кругах уверенность, что польские земли получат

особое устройство. При таких условиях, можно предвидеть, что на будущей мирной конференции представители союзных держав, под давлением общественных настояний, должны будут выдвинуть на очередь польский вопрос во всей его полноте. Подобное явление представлялось бы совершенно недопустимым с точки зрения как великодержавного достоинства России, так и всего уклада русско-польских отношений. Издавна осложняющие великое дело всеславянского единения русско-польские недоразумения могут, по глубокому убеждению генерал-адъютанта Григоровича, генерала-от-инфантерии Шуваева и гофмейстера Риттиха, получить разрешение только великодушным почином русского царя.

С своей стороны, председатель и остальные члены совета министров (Трепов, Хвостов, Макаров, Покровский, граф Игнатьев, Волжин, Николаенко и Веселаго), отнюдь не отрицая необходимости дарования Польше особого внутреннего самоуправления и притом не иначе, как по высочайшему почину, рассуждали, что для объявления с высоты престола торжественного по этому предмету акта существующие условия представляются едва ли соответственными. Война далеко еще не закончена, и трудно предвидеть, когда разрешится боевая распря европейских народов, в каких очертаниях сложатся границы отдельных государств и дальнейшие мировые взаимоотношения. Самый польский край находится пока в обладании наших врагов, и русские войска лишь начинают подступать к его пределам. Питая непоколебимую уверенность, что под верховным водительством вашего императорского величества победоносные русские армии очистят русские области от неприятельских полчищ и освободят исконные славянские земли от немецкого ига, председатель и согласные с ним члены совета министров полагают, однако, что до окончательного выяснения будущей политической обстановки предрешение нового устройства Польши могло бы породить различные недоразумения. Прежде всего, неизбежно возникает вопрос, на какую именно территорию распространяется это устройство: на этнографическую ли Польшу, в широком смысле такого понятия, или же только на губернии Царства Польского. Чаяниям поляков отвечала бы, повидимому, первая постановка вопроса. Но едва ли возможно говорить о будущем самоуправлении в воссоединенных нынешнем Царстве Польском, Познани и польских областях Галиции, пока из них не изгнаны немцы и объединение этих местностей под вер-

ховным владычеством России не осуществлено соглашением держав. Если же провозглашаемое преобразование должно ограничиться пределами Царства Польского, то надлежащие в этом отношении обещания уже даны от имени вашего императорского величества бывшим председателем совета министров перед законодательными учреждениями 19 июля 1915 года. „Государь император уполномочил меня,—как сказано в заявлении статс-секретаря Горемыкина,—объявить вам, г.г. члены государственной думы, что его величеством повелено совету министров разработать законопроект о предоставлении Польше по завершении войны права свободного строения своей национальной культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности“. С тем вместе, нельзя не отметить, что истинные стремления и желания самого польского населения по вопросу о судьбах отчизны представляются неясными и не поддающимися изучению до очищения польских губерний от вражеского засилья. Во всяком случае, немногочисленные, оставшиеся в России и фактически отрешенные от связей со страной, польские политические деятели едва ли являются бесспорными выразителями взглядов широких слоев польского народа, переживающего ныне исключительные потрясения под давлением немцев. По всем этим соображениям, во избежание возбуждения либо чрезмерных надежд, либо опасных разочарований, казалось бы более осторожным отсрочить до наступления благоприятного времени издание нового акта, касающегося польских земель. Подобный акт к тому же мог бы вызвать ответные меры со стороны немцев, которые, сознавая шаткость своего военного положения в Польше, способны провозгласить, например, образование самостоятельного Польского государства. Конечно, можно думать, что такого рода уловка не обратит к Германии сердца поляков, достаточно испытывавших гнет немецкого засилья, но и нельзя поручиться, что мечта о полной политической независимости не найдет известного числа последователей. Подтверждением такому предположению служат польские легионы, под влиянием широковежательных посулов Австрии сражающиеся против нас в рядах неприятельских армий. Сомневаясь поэтому в достижении обнародованием манифеста цели окончательного привлечения поляков на нашу сторону и создания благоприятствующей обстановки для наступления русских войск через польские земли, председатель и большинство

членов совета министров верноподданническим долгом считают высказать, что в настоящее время акт, предопределяющий обособление Польши, мог бы вызвать нежелательные толки и внутри России. Не говоря о других подвластных государству Российскому племенах и, в частности, литовцах, родина которых входит в состав губерний Царства Польского, сам русский народ едва ли безразлично отнесется к такому обособлению до окончательного выяснения итогов требующей неисчислимых жертв и напряжения войны. Когда итоги эти определятся и станут очевидными приобретенные нами политические и экономические выгоды, то, вероятно, русский народ спокойнее встретит обособление поляков, и, быть может, устройство Польши осуществится на более широких, чем это допустимо ныне, основаниях. Что же касается указаний трех членов совета министров на постановку польского вопроса представителями союзных держав на мирной конференции, то избежать этого ни при каких условиях не удастся, ибо предстоит разрешение судьбы Галиции и Познани. Все дело сводится лишь к тому, чтобы могущие возникнуть суждения велись в согласии с великодержавным достоинством и правами России, вытекающими из ее положения в качестве славянского государства. Необходимыми в таком направлении полномочиями и предужазаниями будут снабжены наши представители на конференции. Дальнейшее же будет всецело зависеть от той обстановки и оборота событий, в которой разовьются мирные переговоры. Руководствуясь изложенным, председатель и семь членов совета министров считали бы предпочтительным, взамен издания манифеста с провозглашением общих оснований внутреннего самоуправления Польши, ныне же озаботиться завершением выработки предначертанного вашим императорским величеством законопроекта по этому предмету и внести таковой на законодательное рассмотрение ко дню возобновления занятий государственного совета и государственной думы.

Приведенные суждения совет министров постановил повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Выслушав засим сообщение своего председателя о воле вашего императорского величества, чтобы совет министров безотлагательно представил вашему величеству заключение свое по содержанию имеющего быть изданным манифеста о внутреннем устройстве Польши, совет министров прием-

лет долг всеподданнейше доложить нижеследующие соображения по сему предмету:

Разработанный статс-секретарем Крыжановским проект соответственного акта, являющийся редакционным видоизменением составленных бывшим министром иностранных дел гофмейстером Сазоновым предположений, устанавливает в 14 статьях основные начала внутреннего самоуправления Царства Польского. Из существа содержащихся в этих статьях постановлений явствует, что дальнейшие взаимоотношения Польши к России намечается предпринять в форме союзного государства, как она понимается современной наукою государственного права. С своей стороны, совет министров затруднился бы высказаться в пользу подобной постановки вопроса, идущей гораздо дальше тех обещаний, которые от имени вашего императорского величества были даны польскому народу в связи с новыми политическими обстоятельствами. Нельзя не опасаться, что столь решительное правовое обособление польских земель способно породить не мало осложнений и замешательств во внутренней жизни России, в составе которой находятся, кроме поляков, и другие народности, издавна проникнутые мечтами о племенном самоопределении и в настоящее время, под влиянием всеобщего под'ема настроений, с особливою остротою относящиеся к национальным вопросам. При таких условиях, совет министров считал бы по общеполитическим соображениям более осторожным оставаться в начертании будущего устройства Польши на почве возведенных по всемилостивейшему вашему императорскому величеству повелению статс-секретарем Горемыкиным 19 июля 1915 года перед законодательными учреждениями оснований. Последние, как то изображено в соответственном заявлении бывшего председателя совета министров, предусматривают дарование Польше „права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии“. Повторением этого достаточно широкого понятия надлежало бы, по мнению совета министров, ограничиться и ныне, из'яснив в манифесте об'ем и пределы даруемого областного автономного самоуправления.

Обращаясь затем к принятому в подлежащем проекте способу изложений, в виде особых статей, руководящих положений будущего устройства Царства Польского, совет министров выслушал изустное заявление генерала-от инфантерии Шуваева о том, что, по его убеждению, такое положение вполне соответствует как существу обсуждаемого

акта, так и переживаемой обстановке. Действительно, без определенных постановлений, уясняющих содержание даруемых Польше прав, манифест сводился бы к повторению и подтверждению уже неоднократно провозглашавшихся предположений в отношении к польским землям. Не углубляясь в вопрос о допустимости придавать торжественному из'явлению монаршей милости общий, не исключающий возможности произвольного понимания смысл, нельзя не отметить, что отсутствие точно выраженных и устанавливающих незыблемые начала грядущего преобразования Царства Польского предначертаний произведет неблагоприятное впечатление на поляков и тем самым ослабит политическое и нравственное значение обращения вашего императорского величества к страждущему под вражеским гнетом народу польскому; исходя из этих соображений, военный министр полагал бы повергнуть на высочайшее благоволение проект манифеста в переработанной статс-секретарем Крыжановским редакции бывшего министра иностранных дел. Всецело присоединяясь к принципиальным суждениям генерала-от-инфантерии Шуваева, министры морской и народного просвещения находили, однако, что заключенные в 14 статьях упомянутого проекта положения недостаточно определительны по существу предусматриваемых взаимоотношений Польши к России и дают повод к возбуждению чрезмерных в этой области ожиданий. Руководствуясь таковым взглядом, генерал-ад'ютант Григорович и в должности шталмейстера граф Игнатьев составили особые проекты основных начал польского самоуправления, согласованные с признанием принципа областной автономии и могущие явиться учредительным, единоличным изволением монарха издающимся, актом в отношении Царства Польского. С своей стороны, председатель и большинство членов совета министров затруднились присоединиться к приведенным заключениям, полагая предпочтительным ограничиться общими указаниями предстоящего переустройства польских земель. Вывод этот подсказывается тем сознанием, что учредительный акт, в корне затрагивающий интересы России и долженствующий на долгие годы закрепить порядок внутреннего, зиждущегося на взаимном доверии, сожительстве двух единокровных славянских народов, обязательно требует исчерпывающей точности и ясности. Предполагаемые же в проектах статс-секретаря Крыжановского, генерал-ад'ютанта Григоровича и в должности шталмейстера графа Игнатьева основные положения таковым требованиям не от-

вечают в полной мере, доказательством чему служит хотя бы то обстоятельство, что каждый из этих проектов вызывает в среде совета министров многочисленные возражения и различные толкования. По глубокому убеждению председателя и согласных с ним членов совета министров, выработка соответственных постановлений, устраняющих недомолвки и сомнения в истинной их сущности, возможна лишь при условии подробного соображения касающихся польских вопросов исторических данных, учета своеобразных местных особенностей и всестороннего сочетания их с пользою и действительными нуждами всего государства. Задача в таком объеме не разрешима в короткий срок. Между тем вашему императорскому величеству благоугодно было высочайше повелеть, чтобы соображения совета министров по настоящему делу были представлены на благовоззрение ваше незамедлительно. Кроме того, в частности, следует иметь в виду, что уклад внутреннего быта Царства Польского, само пространство будущей автономной, под скипетром российский, Польши и вся совокупность местных условий в значительной степени будут зависеть от той обстановки, которая сложится к окончанию войны. Казалось бы поэтому более целесообразным сохранить за государственную власть известную свободу действий в будущем, которая, несомненно, была бы связана, если во все милостивейшем манифесте оповещены будут не только общие предначертания, но и определенные постановления для преобразования управлений в польских областях. Что же касается опасений относительно умаления значения манифеста и недовольства поляков отсутствием точно выраженных оснований такового переустройства, то, по имеющимся сведениям, в Польше ждут не учредительного акта, сознавая неизбежные задержки в его разработке, а торжественного закрепления императорским словом возведенного с начала войны дарования народу польскому свободы устройства внутреннего его быта. В согласии с изъясненными соображениями, председателем и большинством членов совета министров выработан повергаемый при сем на высочайшее благовоззрение проект манифеста. В проекте этом, во исполнение лично преподанных вашим императорским величеством предубаждений, перечислены входящие в Царство Польское губернии, с оговоркою, что из состава Сувалкской губернии к Царству причисляются лишь местности с преобладающим польским населением.

Далее, останавливаясь на тех мыслях, которым желательно было бы дать известное отражение в манифесте, совет министров принял на вид, что со времени возникновения войны во всех исходящих от вашего императорского величества актах и правительственных заявлениях упоминается о значении для славянства развернувшейся борьбы с германскими полчищами и о великом призвании Российской державы в разрешении судеб славянства. Подобное же упоминание, понятное и полякам, и всей России, казалось бы, должно найти себе место и во всемилостивейшем обращении к польскому народу, одному из братьев единой славянской семьи. Само собою разумеется, конечно, что соответственные выражения надлежит облечь в возможно осторожные формы, дабы устранить возникновение нежелательных толков и агитации среди дружественных нам держав.

В заключение совет министров всеподданническим долгом почитает высказать, что если вашему императорскому величеству благоугодно будет ныне же издать манифест о внутреннем самоуправлении Польши, то обнародование такого акта представлялось бы предпочтительным связать со временем вступления наших войск в пределы польских областей. Благодарение богу, наши победоносные знамена близки к этим пределам, и пришедшая вместе с ними весть о царской милости исстрадавшемуся под жестоким игом издавших врагов славянства польскому народу прозвучала бы особенно радостно в час начала изгнания насильников из разоренных ими городов и селений.

Таковые свои суждения и заключения, с приложением поименованных в настоящем журнале проектов, совет министров всеподданнейше повергает на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.